

К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

Город Желтого Дьявола

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

В людях — страшно и больно говорить. Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решетками железных балконов и лестниц. Окопаны, и почти в каждом из них — фигуры людей. Они — работают, что-то шепчут или считают, наклонив головы над контурами, другие просто сидят у окон, лежат грубо на покровниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безразлично, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах — нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству. Маленькие вагоны сотрассает стены домов, — вздрагивают груди женщин, головы мужчин; на решетках балконов вальсуют тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встраиваются, вероятно, невозможно мысли постигнуть свои смежные, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло темное лицо старухи в грязной кофте, растерзанной на груди. Угрюмая дорога вагоном, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна, — седые волосы на голове старухи затрепетали, тонкие крылья серой пены. Она закрыла свиновые, потрескавшиеся глаза. Печаль.

В мутных внутренних комнатах мелькают железные прутья кроватей, покрытые лохмотьями, грязная посуда и обдирышки на столах. Хочется увидеть цветы на окне, ищем человека с книгой в руке. Стены льются мимо глаз, точно расплавленные, они текут гранным потоком навстречу, в быстром беге потока тигристы колонисты безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами пелену. Удара воздуха ее качнуло внутри комнаты, — она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развеванного ветром. Два мальчика, лет по пяти, стоят на балконе дом из щепы. Он развалился от сырости. Дети хватают маленьких лапками тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстие в решетке балкона, — и тоже не смотрят на причину, помещающую их за решетку. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в окнах, точно ослепки чего-то одного — большого, но разбитого в ничтожные пылинки, растертого в пресну.

Гонимый бешеным бегом вагонов, воздух развевает платье и волосы людей, бьет им в лицо теплым, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, оглушает протажным, непрерывно воющим звуком...

Живому человеку, который мыслит, создается в своем мозгу мечты, картины, образы, родит желания, тоскует, хочет, отрицает, жлет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, трусливый дребезг стекол в окнах — всё это ему мешало бы. Возмущенный, он вышел бы из дома и сломал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он — хозяин жизни, жизнь — для него, и всё, что ему мешает жить — должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят всё, что убивает человека.

Внизу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветными, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улиц. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены эдземическим жаром железа, угрюмым воем порабощенных молний.

Разве из этих детей вырастут здоровые, смеющиеся, гордые люди? — спрашивает себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг.

Вагоны несутся мимо Ист-Сайда, квартала белых, компостных домов города. Глубокие канавы улиц, ведающие людей кула-то в глубины города, где — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра — котел или кастрюля, — туда стекаются все эти люди, и там из них вываривают золото. Канавы улиц кипят детями.

Я очень много видел бедных, мое хозяйство — зеленое, бескровное, желтое, коралловое. Глаза, туфли от голода и горящие жаждой, хитрые и мстительные или рабские покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупной, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с песенкой тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикий вражду; охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачки. Они покрывают мостовые стадами, точно прозрачные голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упрямки жажды богатых рабов Желтого Дьявола.

На углах грязных улиц стоят какие-то печи или жаровни, в них что-то варится, пар, вырывающийся по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на копне его. Тонкий, режущий ухо свист прерывает своим дражжащим острым все звуки улиц, он тянется бесконечно, как осветительная белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бесит, гонит куда-то и, не смолкая ни на секунду,

дрожит в гнилом запахе, пожравшем воздух, дрожит насмешливо, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь — стихия, она пропитала собою все: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

В этих улицах — темные впадины дверей, подобны загнившим ракам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, всё разложилось и гнило, как во чреве трупа. А люди представляются червями...

Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери; на руках у нее ребенок, ее кофта растоптана, бессильно повисла длинным кошем с синяя гуля. Ребенок кричит, парывая пальцами вало, голодное тело матери, тычется в него лицом, чмокает губами, на минуту умолкает, вновь кричит с большей силой, бьет руками и ногами грудью матери. Она стоит, точно каменная, и глаза ее круглы, как у совы — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба. Она плотно сжала губы и дышит носом, позыри ее вздрагивают, втягивая пахучий, густой воздух улицы; этот человек живет воспоминанием о пище, проглоченной им вчера, мечтой о куске, который он, может быть, съест когда-нибудь. Ребенок кричит, судорожно подергиваясь маленьким, желтым телцем, — она не слышит его криков, не чувствует ударов...

Старик, динный и худой, с хитрым лицом, без шапки на седой голове, прищурив красные веки больших глаз, осторожно роется в куче мусора, отбирая куски угля. Когда к нему подходит, он неуживо, точно волк, поворачивает туловище и что-то говорит.

Юноша, очень бледный и худой, опираясь на столб фонаря, смотрит серыми глазами вдоль улицы и по временам встывает курчавой головой. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк и судорожно шевелят там пальцами...

Здесь, в этих улицах, человек заметен, слышен его голос, озлобленный, раздраженный, мотельный. Здесь у человека есть лицо — голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуют, замечают, что они думают. Они кшат в грязных канавах, трутся друг о друга, точно сор в полове мутной воды; их кружат и вертит сила города, обжигает острое желание съесть что-нибудь.

В ожидании пищи, в мечтах о наслаждении быть сытыми, они глотают насыщенные ядами воздух, и в темных глубинах их душ рождаются острые мысли, хитрые чувства, преступные желания.

Они подобны болезненным микробам в железе города, и будет время, когда они отравят его теми же ядами, которыми он так щедро питает их теперь!

Юноша у фонаря время от времени встраивает головой, крепко стиснув голодные зубы. Мне кажется, я понимаю, о чем он думает, чего он хочет — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной, он хочет, мне кажется, это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два страшных рычага, и смять в нем всё в груды мусора и праха, — кирпичи и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, цинкоз, храмы, деревья, отравленные грязью, и эти глупые, многотажные «скребины неба», всё весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в сверкающий хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосюного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, адонитые цветы мести, буйный протест животного. Это понятно — искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним.

Человек имеет право мести — это право дает ему люди.

В мутном небе, покрытом копытом, гаснет день. Огромные дома становятся все мрачнее, тяжелее. Кое-где в их темных недрах вспыхивают огни и блещат, точно желтые глаза страшных зверей, которые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этих гробниц.

Люди кончили работу дня и. — не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них, — быстро бегут спать. Тротуары залиты темными потоками человеческого тела. Все головы однообразно покрыты круглыми шляпами, и все мозги — это видно по глазам — уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чем. Все думают только для хозяина, о себе думать нечего: если есть работа — будет хлеб и дешевые наслаждения жизни, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола.

Люди идут к своим постелям, к женщинам своим, своим мужчинам, и ночью, в душных комнатах, потные и сыжающие от пота, будут целоваться, чтобы для города родилась новая, свежая пища...

Идут. Не слышно смеха, нет веселого говора, и не блещат улыбки.

Крысят автомобили, челкают бичи, густо шуршат эстетические провода, гремит вагоны. Вероятно, где-нибудь играет музыка.

Мальчишки резко выкрикивают названия улиц. Подлый звук шарманки и чей-то вопль сливаются в трагическом обилии убийств и балаганного шута. Беззвонно идут маленькие люди, — точно камий катятся под гору...

Всё больше и больше вспыхивают желтые огни — пелые стены сверкают пламенными словами о пище, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигаретах, о театрах. Грохот железа, гонимого вступом вдоль улиц жадными толпами Золота, не становится тише. Теперь, когда несут горит огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет красавицы Золота. Нахальный, крикли-

вый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим хохотом блеском. Его хитрое сверканье полно острой жажды вытануть из карманов людей ничтожные крупинки их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешёвым удовольствиям, предлагает им удобные вещи...

Страшно много огня в этом городе! Сначала это кажется красивым и, возбуждая, веселит. Огонь — свободная стихия, горю дитя солнца. Когда он буйно расцветает — его преты трепещут и живут прекрасной всех цветов земли. Он олицетворяет жизнь, он может уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь — как всё — огонь порабощен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далеко от людей...

Как всё — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека, ослепляет его, он зовет:

— Иди сюда!

И выманивает:

— Отдай твои деньги!

Люди идут на его зов, покупают ненужную им пищу и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным восторгом и ужасом быстрой большой ком Золота, он рассыпается по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, шипят, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, оныйный выхл, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, помянутую днем. Они отдадут всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличится в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, порабощенных им.

И жадное, с большей властью, чем вчера, он осет кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратились в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города. В его вращении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Для этого люди пелыми днями роют землю, колют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают порами тела грязь отравленного, большого воздуха, для этого они продают свое красивое тело.

Это сверкающее волшебство усыпляет их души, оно делает людей глубокими оруженными в руке Желтого Дьявола, рукой, из которой Он неустанно длавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана идет ночь и тыпиш на город прохладным, соевым дыханием. Тысячами стрел, врывающимися в нее холодные огни — одна идет, сострадающе окутывая темными одеждками безобразные дома, мерзость узких улиц, прикрывая грязь лохмотьями нищеты. Дикий вопль жадного безумия бесестом их навстречу, разрывая ее тишину — одна идет и медленно гасит нахальный блеск порабощенного огня, закрывая своей мягкой рукой гонимые языки города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать своим свежим дыханием ядовитые испарения города. Она третется о камень стен, натертый солнцем, ползет по ражему железу крыши, по грязи мостовых, пропитывающих ядовитой пылью, глотает запахи и, опуская крылья, бессильно, неподвижно ложится на крыши домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма, — свежесть и прохлада исчезли, проглоченные камнем, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Горо засыпает в духоте, он ворчит, как огромное животное. Оно слышит много похорошало за день разной пыли, ему жарко, неловко и снится другие, тяжелые сны.

Вздрагивая, угасает огонь, угасают свои жалкую службу провокатора, лаяка рекламы. Дома всасывают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности.

Худой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно, бесшумными глазами смотрит направо и налево, медленно повертывая голову. Куда идти? Все улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга белыми тусклыми окнами одинаково безразлично и мертво...

Душная тьма давит горло теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений проклятого, несчастного города. Сквозь эту пелену в недосигаемой высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек снял шляпу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо дальше от земли, чем где-либо. Звезды — мелкие, одинокие...

Взали тревожно звучит медная труба. Длинные ноги человека странно вздрагивают, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно муш, пропадая во тьме. На углах неподвижно стоят полицейские, в серых плащах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно дышат челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей в стенах домов, — черных дверей, сонно разнущих квадратные пасти. Где-то далеко гремит и воем вагон трамвая. Ночь задохнулась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно передвигая ноги, и качает свой длинный, согнутый корпус. В его фигуре есть что-то думавшее и хотя нерешительное, но — решающее...

Мне кажется, он — вор.

Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат тошным запахом человеческого пота.

Непонятные, глухие звуки дремотно зыются в душе, тоскливой тьме...

Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

На рубеже двух исторических эпох возвысился в нашей стране величественная фигура Максима Горького. Литературная деятельность буревестника социалистической революции ознаменовала новую эпоху в художественном развитии всего человечества. На весь мир звучал голос гениального писателя, запечатленного в своих произведениях рождение новой, социалистической эры.

Горький пришел в литературу, когда в России началось протетское, последовательно революционное движение. «Песня о буревестнике», «Песня о соколе», «Мать» и другие его произведения отражали свободные стремления, революционную борьбу народа, призывали к борьбе.

Творчество гениального протетского писателя тесно связано с ростом революционного движения в нашей стране. Великий сын великого народа, он выразил надежды и стремления самых широких масс трудящихся. Произведения Горького отмечены не только художественным мастерством, знанием народной жизни, но и проникнуты самой передовой революционной идейностью. Горький внес новый драгоценный вклад в сокровищницу мировой культуры, оказал мощное воздействие на умы и сердца сотен миллионов людей. В своей речи о Горьком В. М. Молотов сказал: «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственное и сильное, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным роляционным протетским, социалистическим писателем в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

В своих оценках творчества Горького В. М. Ленин всегда подчеркивал его огромную роль в общественном развитии. «Своим талантом художника Вы приносили рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу...», — писал Владимир Ильич Горькому. Великий вождь пролетариата отметил, что Горький «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира».

В произведениях Горького замечательно показано рождение нового, социалистического общества, новых отношений, новых людей, каких еще не знала история человечества. Все его творчество подчинено идее социалистического преобразования действительности. Он воспея революционную энергию народа, герою патристического подвига.

Горький явился продолжателем замечательных традиций передовой классической литературы. Вместе с тем он пролагал новые пути. Его деятельность обозначила революционный переворот в художественном творчестве. С именем Горького в мировой литературе связан новый творческий метод — социалистический реализм.

Сам Горький говорил, что социалистический реализм, определяющий своеобразие всей советской литературы, явился как отражение данных трудовой практики фактов социалистического творчества.

Горький стал величайшим художником мира, потому, что в его произведениях раскрыты героические дела, стремления и чувства самого передового — русского революционного рабочего класса, самые передовые идеи современности.

В. И. Ленин говорил о неразрывной слитности художественного творчества Горького с передовыми силами эпохи. Еще на заре русского социалистического движения, когда оно давало только первые ростки, Горький рассмотрел в нем залог грядущего расцвета Родины. А когда социализм победил, еще глубже раскрылся сила таланта Горького. Основы для своего творческого метода писатель наметил в идеях Ленина, учиншего, что жизнь следует изображать «не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении... Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего».

Постоянной темой творчества, критических и публицистических выступлений писателя в советский период являлась тема волеи, всего того, что привнеса жизнь в нашей стране после 1917 года. «Дело наших литераторов», — пишет Горький в статье «О действительности», — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности... Их задача — изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность».

Начало новой литературы социализм положено Горьким под непосредственным идейным влиянием В. И. Ленина и И. В. Сталина. Под влиянием ленинских идей о великой освободительной миссии русского рабочего класса Горький в своих произведениях создал замечательные образы революционеров. Впервые в истории мировой литературы в пьесе «Мещане» был воплощен образ революционного пролетария. В лице машиниста Илья писатель утверждал права простых людей, в те время еще униженных и оскорбленных, но которые, по твердому убеждению писателя, должны владеть землей. Черты русских революционеров-большевиков превосходно запечатлены в образах Павла Власова, Андрея Находки, Сидорова, Кутурзова, Рябинина. Огромным сопереживанием образ русской рабочей женщины Нилыны — матери Павла Власова. Именно в повести «Мать» Горький высказал свой идеал будущей России, как «самой яркой демократии земли».

Созданные великим писателем образы революционеров возвышены, героичны, в них отражены лучшие черты буржуазного заво счастье народа. Эти образы проникнуты огромным обаянием, творческой революционной энергией, о которой товарищ Сталин в статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи» говорил: «...великая энергия рождается лишь для великой цели». Положительных героев Горького объединяет великие цели освобождения народа и построения социализма.

Творчество Горького отличает воинствующий характер, стремление связать свое

искусство с революционной деятельностью масс. С подлинной страстью патриота он подчинял свое творчество насущным задачам освободительной борьбы народа. Его классическая повесть «Мать» — художественное воплощение идей, высказанных Лениным в его знаменитой работе «Что делать?»

Советские писатели, стремившиеся воплотить в своем творчестве лучшие черты народа, продолжают развивать традиции Горького. В центре советской литературы находятся героические образы борцов за социализм.

Новаторский смысл творчества Горького и советской литературы ярко раскрывается именно в не доступной для буржуазного искусства способности создавать убедительные и жизненные положительные образы.

Горький в своем творчестве осуществлял те принципы, которые характеризуют литературу будущего социалистического общества. Ленин блестяще сформулировал в статье 1905 года «Партийная организация и партийная литература»: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут влиять на новые и новые силы в ее рядах».

Источником силы Горького, как художника, была социалистическая идейность, боленствования партийности.

Горький был другом Ленина и Сталина, которые чрезвычайно высоко ценили его талант. Однако, когда Горький, близкий к отцовской группой «Вперед», а также в 1917 году, допускал серьезные идейные ошибки, Ленин и Сталин резко критиковали его. Эта принципиальная товарищеская критика имела огромное значение для писателя, помогла ему освободиться от заблуждений и достичь новых творческих побед. Терпеливо и чутко критикуя временные заблуждения писателя, великие вожди революции неустойно направляли его творчество. В отношении Ленина и Сталина к Горькому мы видим живой пример огромной воспитательной работы и заботы партии о развитии передовой социалистической, подлинно народной культуры.

Лучшие произведения Горького созданы под личным влиянием Ленина и Сталина, при их дружеской и высказательной помощи.

Горький — основоположник советской литературы. Он предвосхитил и наметил главные идейно-литературные проблемы, определившие направление нашей литературы на много лет вперед. Советские писатели вслед за Горьким обратились к проблеме судьбы народа, утверждения идей революции и социализма, воспитания высокого патристического сознания советского человека.

Последовательное разоблачение буржуазного индивидуализма, всех разновидностей чуждого нам мировоззрения характерно для советской литературы на всем ее пути. Начиная еще в раннем творчестве Горького, эта линия критического разоблачения нашла свое наиболее полное воплощение в эпопее «Жизнь Клима Самгина» — революционном произведении, сокрушающем духовные основы буржуазного мира. Образ Клима Самгина заключает в себе художественное обобщение, выходящее далеко за пределы своего времени. Он не потерял своей остроты и актуальности и в наши дни. В Самгине мы находим черты психологии современной зарубежной реакции, лицемерно говорящей о демократии, а на деле ненависти свободу, стремящейся надеть цепи раба на весь мир.

Горький не ограничился только общительной целью. Главное в его творчестве — утверждение творчества демократии, торжества социализма.

Еще в условиях старой России он мечтал о свободном творчестве свободных людей. На протяжении всей своей жизни Горький отстаивал радость свободного сознания. Эта благородная мечта Горького осуществилась в советской, социалистической стране.

Советских литераторов Горький призывал воспроизводить в художественных образах человеческого труда, показать его благородство и поэзию. В своем творчестве Горький нарисовал образ нового хозяина земли. Таким хозяином земли он считал людей труда. Только труженики достойны звания человека. Представители эксплуататорских классов писатель характеризовал, как человека, подобный. Запрывая империалистического мира Горький называл группой всемирных грабителей и убий, которая «морально разлагается», воспитывает все большее количество воров, мошенников и бандитов».

Горький все время подчеркивал, что мир раскололся на два лагеря — лагерь социализма и лагерь империализма. Сам он открыто, с партийной страстностью защищал идеи социализма, интересы великой социалистической Родины. Он был поборником истинной демократии, поборником мира и дружбы между народами.

Настойчиво воспитывая Горький в народе чувство национальной гордости, любви к родной стране и ее культуре. Решительно осуждал он некрпическое, рабское отношение к культуре буржуазного Запада.

Он разоблачал врагов прогресса и демократии, прикрывавшихся маской буржуазной демократии, с величайшей неприятием выступал против всевластия капиталистических монополий, против растленой буржуазной культуры, против всех темных сил реакции. В памфлете «Борь, который высоко держит свое знамя» Горький с уничтожающим сарказмом обличал в лице Вильгельма Гогенцоллерна германский империализм. Писателем рельефно нарисован облик тупого и высокомерного прусского милитаризма, порождением которого явился гнусный немецкий фашизм. Великий писатель мужественно выступал против всякого империализма, какой бы маской тот ни прикрывался. Он гневно бичевал в памфлете «Прекрасная Франция» французскую буржуазию, торговавшую кровью народов, предоставлявшую парскому правительству займы для удушения русской революции. Неудавшуюся смежность и остроту до сих пор сохраняли написанные Горьким в 1906 году замечательные памфлеты о странах капитализма. Резко проти-

вопоставляет Горький людям труда лагеря реакции, империализма, порожающий фашизм, мечтающий об истреблении миллионов людей и мировом господстве.

Горький нарисовал собирательный образ некоего миллионера, «одного из королей республик», который нагло требовал, чтобы все члены буржуазного правительства стали акционерами промышленных предприятий и выполняли волю капиталистических монополий. Правдивые и острые памфлеты Горького против слуг «желтого дьявола» — золота — в полной мере сохранили свою актуальность и остроту.

С полным основанием Горький заклинал, презрением одного из наиболее рьяных поджигателей войны — Уинстона Черчилля. Горький писал: «Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый инстинкт выражен совершенно идеально, в форме его консерватива и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов».

Борьбу с буржуазным мракобесием великий писатель считал одной из важнейших задач своей литературной деятельности. Настойчиво и страстно он вел борьбу против идеологии империализма, против культуры войны, расизма и всяких пных видов дурного гонимства.

Горький содействовал объединению идейного росту прогрессивных деятелей во всем мире. Достаточно вспомнить такую его публицистическую статью, как «С кем вы, мастера культуры?»

Художественные произведения, публицистические статьи и общественная деятельность Горького сыграли огромную роль, помогли лучшим представителям зарубежной интеллигенции перейти на сторону борющегося пролетариата. Влияние Горького, как руководителя передовых культурных сил мира, было признано еще при его жизни крупнейшими художниками. Упомянем о воздействии Горького на таких различных писателей, как Мартин Андерсен-Нексе, молодой Джей Лондон, Теодор Драйвер, Энтон Синклер, Роман Роллан, Анри Барбюс, Ральф Фокс, Юлус Фучик, Луи Арагон, Иоганнес Бекер, Поль Элюар и другие.

Горький дал современной мировой литературе самые высокие творческие идеалы, сочетавшие непререкаемую правду реализма с оптимистическим жизнеутверждением. Великий писатель признавал «объединение всех переходов, культурных деятелей, в активной борьбе против реакционных сил империализма, врагов народов и мира. Он знал, что будущее — за людьми труда, за демократией».

Гневный обличитель буржуазной литературы, Горький утверждал, что декаденты и декадентство со всех точек зрения — и с точки зрения общественной, и с точки зрения искусства, и с точки зрения морали — явление вредное, антиобщественное, явление, с которым необходимо бороться.

Горький принимал активное участие в борьбе советских художников против апатичности и формализма. Горький показывал реалистичность и рабскую зависимость формализма от зарубежного декадентства. И в настоящее время, когда советская общественность разоблачает антигигиеническую деятельность эстетствующих космополитов, идейно-художественные принципы Горького оказывают нам огромную помощь.

Горький был замечательным учителем и другим советских писателей. Он требовал от литераторов прежде всего высокой идейности, беззаветного служения народу.

Художественная пропаганда передовых идей современности придает творчеству Горького и всех других советских писателей необычайную силу воздействия. «Нельзя считать случайностью», — сказал товарищ Молотов в докладе к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом».

Намеченный советский патриот, Горький горел тем, что в создании советской литературы участвуют писатели всех национальностей Советского Союза. Он высоко ценил достижения русской литературы и искусства, всю культуру русского народа. «В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собой фено